

Отправив скриншот, Фан Дунсуй только тогда заметил, что в спешке промахнулся и нажал не туда.

Картинка улетела к Лао Саню.

Он с досадой хлопнул себя по лбу и поспешил объясниться.

Фан Дунсуй: «Я хотел отправить это Старшому, но случайно промахнулся. Лао Сань, сделай вид, будто ничего не видел, ладно?»

Ответ пришел почти мгновенно.

Лао Сань: «Тебе самому пересылать ему это не очень удобно. Предоставь всё мне, я сам с ним поговорю».

А ведь и правда... Если сказать Старшому напрямую, неловкости потом не оберешься.

Дунсуй мысленно восхитился: друг — он и в Африке друг! Взяться за такое щекотливое дело... Лао Сань определенно заслужил премию за лучшую мужскую дружбу в конце года.

Немного подумавшись про себя, он с улыбкой напечатал ответ.

Фан Дунсуй: «Спасибо, братец Сань! [кланяется]»

Разобравшись с делом Ли Сюньюэ, они перекинулись еще парой дежурных фраз, после чего Дунсуй убрал телефон в карман и решил немного прогуляться по площади.

Вокруг бурлила жизнь, со всех сторон доносился веселый гомон. На импровизированной сцене в самом центре площади ведущие вовсю развлекали толпу, из колонок на полную мощь гремели динамичные мелодии. Обойдя помост кругом, Дунсуй почувствовал, как на душе потеплело, и легкой, почти невесомой походкой направился к выходу.

Время пролетело незаметно, и вот настал день приезда на съемочную площадку.

Сразу после прощальной вечеринки с соседями по комнате Фан Дунсуй ночным рейсом вылетел в Шуши, где обосновалась съемочная группа.

Поскольку ему досталась крошечная роль, для которой даже не требовалось делать пробные снимки в гриме, его появление осталось практически незамеченным. В глухих горах под Шуши

стоял собачий холод. Закутавшись по самые уши в длинный черный пуховик, Дунсуй послушно следовал за помощником кастинг-директора, который вел его знакомиться с режиссерами.

Однако у самых дверей режиссерской гримерки выяснилось, что главного режиссера на месте нет — он лично уехал встречать киноимператора Е.

Как оказалось, великий Е Ван тоже прибывал сегодня.

Дунсуй слегка удивился такому совпадению.

Помощник принялся рассыпаться в извинениях, но Дунсуй лишь мягкой улыбкой пресек его неловкость:

— Ничего страшного. Я пока посижу здесь, почитаю сценарий.

Съемки масштабного фэнтези-блокбастера «Яцзы» по большей части должны были проходить на натуре, так что съемочной группе предстояло провести добрую половину времени в бесконечных разъездах по всей стране. Живописные, но суровые горы Шуши стали их первой точкой. Окинув взглядом снующих туда-сюда актеров и персонал, Дунсуй отыскал свободный пятачок под раскидистым деревом. Он разложил складной стульчик, который одолжил у словоохотливого помощника, и устроился поудобнее, прислонившись спиной к шершавому стволу.

Его персонажем был Пин Чжу, младший ученик из клана главного героя. И хотя реплик у него было кот наплакал, на экране он должен был мелькать постоянно, буквально следуя за протагонистом тенью. К тому же ближе к финалу героя ждал свой звездный час — сцена, которая при должном исполнении могла принести молодому актеру любовь тысяч зрителей.

Сам сценарий оказался совсем тоненьким. Дунсуй бережно листал страницы, вчитываясь в каждую строчку и аккуратно пометая карандашом спорные моменты. Он планировал расспросить о них режиссера, как только тот освободится.

Дома он уже изучил текст от корки до корки, но здесь, в окружении декораций, суровых скал и лесной прохлады, слова заиграли новыми красками. Это мимолетное открытие удивило его, но, обладая завидной способностью быстро адаптироваться, Дунсуй легко отбросил лишние мысли и сосредоточился на работе.

Он прилежно читал, низко склонившись над страницами, но вскоре уловил странное ощущение — чьи-то любопытные взгляды то и дело скользили по его фигуре.

Слегка нахмурившись, он оторвался от текста и украдкой огляделся.

Неподалеку, у края площадки, собралась небольшая компания. На них не было сценических

костюмов, да и камер поблизости не наблюдалось — скорее всего, это были свободные от смены сотрудники или статисты.

Несколько девушек из этой группы то и дело бросали на него восторженные взгляды. Глаза их прямо-таки горели, а на щеках играл яркий румянец.

Дунсуй на мгновение растерялся.

Заметив, что их раскрыли, девушки ничуть не смутились, а их взоры стали еще более пристальными. Дунсуй сразу все понял: его уши мгновенно залила горячая краска, и он поспешно уткнулся обратно в сценарий.

Такая застенчивая реакция лишь позабавила девчонок. Сбившись в кучку, они принялись весело шушукаться, покатываясь со смеху.

Дунсую стало невыносимо неловко.

"Да что с ними такое? Неужели нельзя смотреть хоть чуточку скромнее?"

В этот момент он готов был сквозь землю провалиться, но за неимением подходящей расщелины просто накрыл лицо раскрытым сценарием, малодушно надеясь спрятаться от всего мира.

Бумага приятно холодила разгоряченную кожу, да и назойливое внимание со стороны наконец-то перестало его беспокоить.

Словно поняв его смущение, окружающие понемногу затихли. Теперь до его слуха долетал лишь тихий, благоговейный шепот, изредка прерываемый чьими-то восхищенными вздохами.

Решив, что виной этой внезапной тишине его скромное убежище, Дунсуй мысленно похвалил себя за находчивость.

"Просто гениально. Тихо, мирно и незаметно"

Вот только он и подумать не мог, что в действительности окружающие притихли вовсе не из-за него.

Съемки первых глав «Яцзы» велись в диких предгорьях Шуши. Местность здесь была неописуемо красивой, но суровой: крутые склоны, густые заросли и приличная высота над уровнем моря. Чтобы уберечь актеров и персонал от капризов природы и горной болезни, на площадке постоянно дежурил целый штат медиков.

Дунсуй еще по пути заметил, насколько серьезно организаторы подошли к делу. Повсюду стояли прочные, утепленные палатки, а техники и рабочие действовали слаженно и без лишней суеты.

Убаюканный этой размеренной атмосферой, он лежал с закрытыми глазами, размышляя о роли и мысленно прокручивая будущие сцены. Рой мыслей вытеснил все внешние раздражители, поэтому Дунсуй и упустил момент, когда на площадке что-то изменилось.

Сценарий все так же лежал на его лице, а сам он полусидел-полулежал, прислонившись к дереву. Поза была удобной, но спустя пару минут затекшая шея дала о себе знать, и он решил наконец подняться.

Но стоило ему поднять руку, как кто-то мягко опередил его и осторожно снял бумажный лист с его лица.

Раздался знакомый, чуть хриловатый баритон с мягкими, смешливыми нотками:

— Мой юный сосед, а ты времени даром не теряешь. Прибыл раньше всех.

В голове у Дунсуя словно разорвалась маленькая бомбочка. Он рывком выпрямился и распахнул глаза.

Перед ним, чуть склонившись и тепло улыбаясь, стоял сам Е Ван. В глубине его темных глаз плясали веселые искорки.

За спиной киноимператора толпилась целая свита из режиссеров и продюсеров. Все они с добродушным любопытством разглядывали застигнутого врасплох юношу.

Оказаться в центре внимания стольких важных персон... Дунсуй почувствовал себя так, словно попал на допрос.

Он торопливо вскочил, едва не опрокинув несчастный стульчик, быстро одернул пуховик и звонко выдохнул:

— Киноимператор Е!

С остальными он знаком не был, но сразу догадался, что эти представительные мужчины — те самые режиссеры, уезжавшие встречать главную звезду. Дунсуй вежливо поклонился и поприветствовал их:

— Здравствуйте. Меня зовут Фан Дунсуй.

Его голос прозвучал чисто и открыто, но Е Ван без труда разглядел за этой вежливой маской крайнее смущение. Дунсуй стоял, вытянувшись в струнку, прижав руки к швам широких штанов и старательно избегая прямых взглядов.

Едва сдерживая улыбку, Е Ван сделал шаг вперед и мягко представил стоявшего рядом мужчину:

— Знакомься, это наш режиссер, Сюй Кунь.

Дунсуй бросил на Е Вана полный признательности взгляд, после чего повернулся к режиссеру и вежливо произнес:

— Для меня огромная честь познакомиться с вами, режиссер Сюй. Надеюсь на ваши наставления.

Режиссер Сюй — мужчина средних лет с мягкими, интеллигентными чертами лица, одетый в длинное серое пальто традиционного кроя, — выглядел как истинный представитель творческой интеллигенции. Услышав приветствие, он шагнул к юноше, дружески похлопал его по плечу и раскатисто расхохотался:

— Ну что ты, это я о тебе наслышан!

В его словах не было ни капли сарказма, что несказанно удивило сопровождающих. Даже Е Ван в недоумении приподнял бровь.

Всем было известно, что режиссер Сюй на дух не переносит смазливых кумиров-однодневок и терпеть не может молодых выскочек, которые вместо работы над актерским мастерством выезжают на дешевом хайпе. И хотя внезапная слава Дунсуя была чистой случайностью, в мутной воде шоу-бизнеса правду разобрать трудно. Буквально на днях режиссер Сюй довольно резко высказался в интервью о нынешнем поколении молодых артистов.

И высказывания те были далеко не лестными.

Тем удивительнее было видеть, какое теплое исключение он сделал для Фан Дунсуя.

Радужный прием у всех на виду не укрылся от глаз обитателей площадки. Стоявшие неподалеку актеры и персонал принялись переглядываться. Слишком уж много слухов ходило вокруг Дунсуя в последнее время.

Кое-кто из любителей грязных сплетен, глядя на точеный профиль и безупречную внешность юноши, уже мысленно приписал ему покровительство влиятельных спонсоров.

Сам же Дунсуй стоял ни жив ни мертв, совершенно не понимая, чем заслужил такое расположение строгого мастера.

"С моей-то репутацией — и вдруг «наслышан»?"

"Может, дело в том, что мы знакомы с Е Ваном, и режиссер просто проявляет вежливость?"

Дунсуй решил, что так оно и есть, и уже набрал в легкие воздуха, чтобы скромно ответить.

Но режиссер Сюй, заметив его скованность, рассмеялся еще громче. Он смотрел на Дунсуя с такой отеческой теплотой, словно перед ним был его собственный сын:

— Лао Чжу мне все уши прожужжал! Рассказывал, какой у него замечательный племянник — и умный, и прилежный, и невероятно талантливый, да к тому же писанный красавец. Сегодня я наконец-то вижу тебя воочию. Что ж, Лао Чжу ни капли не приврал!

Окружающие дружно впали в ступор.

И только до Дунсуя наконец дошло.

Он совсем позабыл, что эту роль ему помог получить дядюшка Чжу!

Чжу Цзючжи сам был известным режиссером и, очевидно, водил давнюю дружбу с Сюй Кунем.

Вот только хвалил его режиссер Сюй уж слишком щедро.

Да еще и на всю площадку.

Теперь на него глазела добрая половина съемочной группы, и во взглядах этих читалось весьма неоднозначное любопытство.

Щеки Дунсуя вспыхнули пунцовым пламенем. Он инстинктивно прижал ладони к лицу, но тут же отдернул их, словно обжегся.

Однако Сюй Кунь и не думал останавливаться. Он повернулся к Е Вану и второму режиссеру, продолжая увлеченно перечислять все достоинства «мальчика Лао Чжу».

В ход пошли все хвалебные оды, которыми его когда-то осыпал Лао Чжу.

Чувствуя на себе перекрестный огонь десятков глаз, Дунсуй честно пытался держаться прямо

и сохранять достоинство. Но стоило ему поднять взгляд, как он наткнулся на лукавый, откровенно дразнящий взор Е Вана. Этот взгляд буквально пригвоздил его к месту.

Дунсуй поспешно опустил голову. В этот момент он как никогда остро прочувствовал популярный интернет-мем.

"Когда на семейном застолье тебя заставляют показывать фокусы или читать стишок, а родители с гордостью кивают гостям"

В его собственной семье родственников почти не было, праздники они всегда отмечали узким кругом из трех человек, так что подобного опыта он никогда не имел. Кто бы мог подумать, что судьба настигнет его прямо на съемочной площадке.

Ему оставалось лишь мысленно сокрушаться и смеяться над собственной участью.

К счастью, режиссер Сюй вовремя вспомнил о рамках приличия и не стал выкладывать все семейные секреты, которыми с ним делился Чжу Цзючжи. Завершив свою хвалебную речь, он мягко похлопал юношу по плечу и велел ассистенту проводить его на грим.

Дунсуй с облегчением выдохнул.

Он уже открыл рот, чтобы вежливо попрощаться, как вдруг стоявший рядом Е Ван неторопливо произнес:

— Веди его в мою гримерку.

<http://bllate.org/book/18316/1952479>